

Глава I. Люди умелые

Р. Г. Назиров

На одной из быстро растущих промышленных окраин Уфы (ул. Лесотехникума, 53) вы можете найти обычную заводскую ограду, за которой видны приветливые на вид корпуса. Скромная табличка над проходной: «Уфимский завод сантехзаготовок». Он относится к тресту «Башсантехмонтаж». О специфике производства речь пойдёт впереди, а пока что — два слова об истории завода.

В этой истории поражает прежде всего динамика роста предприятия, темп и масштабность изменений. Вдумаемся в это, зададимся вопросом: чем обусловлены эти динамика и масштабность?

К примеру, в России XIX века прежде всего развивалась текстильная промышленность. Огромный внутренний рынок на девять десятых состоял из крестьянства, которое быстро отвыкало от домотканых материй; параллельно увеличивался спрос на яркие, дешёвые ситцы подмосковного текстильного региона. Бывшие кустари, недавно выкупившиеся из крепостного рабства, открывали собственные фабрики и, беспощадно эксплуатируя вчерашних собратьев, становились миллионерами (таков был путь Саввы Морозова). Хлопок в основном ввозили из Америки. С присоединением Средней Азии в империи появилась собственная сырьевая база для хлопчатобумажной промышленности. Эта промышленность гигантски разрослась, начался экспорт русских тканей. Самым передовым отрядом русского пролетариата стали ткачи Орехово-Зуева и Иваново-Вознесенска, а первым массовым выступлением — «Морозовская стачка» 1885 года.

Рост территории, торговых связей, внутренних перевозок обострил вечную язву России — транспортную проблему. После крестьянской реформы 1861 года резко возросло строительство железных дорог. Оно потянуло за собой рельсопрокатное производство, паровозостроение и т.п.; и вот уже прорыты первые шахты Донецкого бассейна, и Джон Иванович Юз становится королём русского угля, а Сергей Витте на французские займы организует строительство самой протяжённой в мире железной дороги.

Экономика — это единое целое, огромный, могучий процесс, где всё взаимосвязано, где новая потребность общества, новая отрасль производства изменяет облик всего комплекса; но справедливо и обратное — выпадение одной существенной детали заставляет скрежетать и трястись всю машину.

История национальной экономики любой страны — это самая достоверная сторона социальной истории. Никакие речи высокопарных профессоров, никакие искусственные концепции кабинетных теоретиков не в силах соперничать с точными фактами и цифрами, не могут оспорить кривую на диаграмме, наглядно отражающей хозяйственное здоровье страны или её недуги.

История одного, отдельно взятого предприятия — часть экономической истории страны. И если мемуары можно писать через полвека после событий, то историю завода лучше фиксировать заживо.

Уфимский завод сантехзаготовок типичен как предприятие, обслуживающее рост городов. Вся систему сантехмонтажа предназначена для строительства современных городов. В Советском Союзе неуклонно продолжается миграция населения из сельской местности в города. Здесь не место обсуждать теории Руссо, Льва Толстого и других противников городской цивилизации. Факт, что исчезающую красоту сельской жизни оплакивают поэты и философы, а новые города заселяются крестьянами.

Это мировой процесс объективного характера: для сельскохозяйственного производства более не нужно столько рабочих рук, как двести лет назад. Поэтому вместо оплакивания патриархальной деревни стоило бы часть духовных сил уделить жгучей проблеме эпохи — как гуманизировать городскую жизнь.

Первое условие для создания подлинного современного города есть чистота. Всё остальное — потом. Да простят нас энтузиасты завтрашней культуры, художники, градостроители, но если мы построим новый город архитектурными шедеврами и статуями, не позаботясь предварительно о гигиене, то в один прекрасный день город вымрет от эпидемии, и статуи останутся в печальном одиночестве, как однажды уже случилось в прекрасной Флоренции 1348 года, где «чёрная смерть» (бубонная чума) выкосила до 45 % населения; остальные разбежались. В те годы один французский хронист записал: «Умерла треть мира».

Итак, прежде всего — чистота. А что обеспечит нам её? Водопровод, канализация, вентиляция, дымоуловители, всякого рода очистные сооружения.

За ними стоит Сантехмонтаж.

Впрочем, неладное и неуклюжее это слово-«сантехмонтаж». Мы бы предпочли заменить его иным выражением: например, индустрия чистоты. Разве это не отвечает сути дела?

Чистая вода, чистый воздух, чистое жильё — вот что обеспечивается предприятиями и службами системы Сантехмонтажа.

Сантехмонтаж — это индустрия чистоты.

Советская система «Главсантехмонтаж» ныне объединяет 12 трестов. Самый крупный из них — трест «Центрсантехмонтаж» с объёмом производства на 48 млн. рублей в год, а наш трест «Башсантехмонтаж» имеет объём в 46 миллионов: это второе место по отрасли, второе место в Союзе. Почему именно у нас, в Башкирии?

Очевидно, ввиду удобства экономико-географического расположения: вблизи от центров уральской металлургии, в мощном Волго-Уральском экономическом регионе, в относительной близости к очагам большого градостроения этого региона и Средней Азии за последние 40 лет нашей истории. Далее мы увидим это в подробностях.

Уфимский завод сантехзаготовок является в тресте ключевым. История его необычайно интересно. Во всяком случае, намного интереснее «Графа Монте-Кристо» или «Битвы железных канцлеров».

Только очень наивные люди думают, что промышленность состоит из машин, цехов и труб. Всё это — производственные фонды, и без людей они — ничто, мёртвый металл.

Промышленность состоит из людей, из тех, кто мыслят, умеют и делают.

Наш рассказ с необходимостью начинается с людей. И через их судьбы мы попытаемся увидеть историю завода.

И начинать нужно сначала, т.е. с тех людей, которые были первыми.

Кто сегодня помнит Уфу 1940 года?

Маленький по нынешним масштабам город утопал в садах и был ещё на 90 процентов деревянным. Даже поблизости от центра улицы были густо покрыты гусиной травкой, и на них привольно паслись козы, отличавшиеся совершенно немислимой для наших дней самоуверенностью и презрением к босоногим детям, игравшим рядом с ними. Проезд полутонки по улице был событием. А когда над городом с гордым тархтением проплывал биплан с красными звёздами, это вызывало среди детей подлинный взрыв ликования. Промышленность Уфы была в основном развитием того, что осталось от дореволюционной эпохи.

При сплошной деревянной застройке служба санитарии по преимуществу имела «колёсно-выгребной» характер.

По озеру в парке имени Луначарского ещё катались на лодках, а в Белой водились сазаны. На Случевскую гору (парк имени Салавата) ходили полюбоваться пароходами.

На уфимском базаре можно было увидеть верблюдов, а самым «шикарным» средством передвижения по городу оставались извозчики. На севере город заканчивался там, где теперь стоит Сельхозинститут.

А потом случилось это. Кто пережил этот день, тот никогда его не забудет.

Огромные толпы застыли перед чёрными тарелками репродукторов, подвешенными высоко на столбах. Толпы людей сбежались и замерли, запрокинув к тарелкам тысячи напряжённых, сурово-побледневших лиц, и плачущим детям поскорее давали грудь или соску, чтобы они не мешали слушать речь Молотова о нападении Германии на Советский Союз.

И сразу резко изменилась вся жизнь. Вся индустрия из Центра России, всё, что успели, всё, что не взорвали, была с чудовищными усилиями переброшена на восток, в основном на Урал, который сделался становым хребтом обороны. Провинциальные города Урала претерпели самую стремительную в истории человечества промышленную революцию: именно такой характер носила эвакуация крупной промышленности в Центральной России. В Уфе, как и в сотнях других городов, возникла гигантская перенаселённость.

Но разве в те годы считались с житейскими тяготами? Кто из молодых читателей знает, что люди жили по 16 человек в одной комнате площадью в 12 квадратных метров? Что за побег из ремесленного училища мальчишек и девчонок отдавали под суд? Что токари четырнадцати лет стояли на деревянных ящиках, потому что габариты станка рассчитаны на рост взрослого человека — а взрослых не было. . . Сегодня мало кто помнит страшный смысл жаргонного слова «доходяга» (дистрофик, начинающий умирать на ходу). Мы кля-

нёмся, что «никто не забыт», мы постоянно кладём цветы к могиле Неизвестного Солдата. Кто-нибудь, когда-нибудь поставит памятник Неизвестному Рабочему, умершему от голода в 1943 году?

Победа советского народа была куплена дорогой ценой. И эту цену пришлось платить ещё несколько лет после победы.

В послевоенные годы в бурно разросшейся Уфе шло лихорадочное приспособление её новой огромной промышленности к старому городку, ещё недавно утопавшему в садах. Кроме эвакуированных заводов Центра мы создали крупнейший в Европе комплекс нефтеперерабатывающих заводов. В Уфу вкладывались миллионы, потому что она давала миллиарды.

Тогда-то в Черниковке, на окраинном пустыре, получившем зловещее имя «Аварийный посёлок», появились маленькие заготовительные мастерские, подчинённые монтажно-му управлению. Впрочем, далее мы попытаемся воспроизвести рассказ Елизаветы Степановны Родионовой, которая начинала работать на этом предприятии слесарем-деталировщиком, а сегодня работает начальником производственного отдела завода.

— Называлось это «Центральные заготовительные мастерские» в составе СМУ-9 треста.

Делали немного трубной заготовки, был токарный участок, участок радиаторов, маленький участок новой техники... Всего работало шестьдесят человек со всей обслугой, начальником мастерских был Александр Васильевич Макаров. Вся производственная площадь немного превышала 1500 квадратных метров.

В этих полуразвалившихся лачугах мы гнали восемь километров заготовок в месяц, при нецентрализованной поставке материалов, заметьте. Работали в очень тяжёлых условиях, в три смены. Отрезка производилась в тех же цехах, всех нас глушил грохот отрезных станков. Механизации было мало, женщина ворочала восьмиметровой трубой. Отрезка особенно нас глушила.

Сама я родом из Тамбовской области. Бывали на Тамбовщине? Земля хорошая, много садов. Родители мои из Верхне-Спасского, а я росла в рабочем посёлке Рассказово, там было крупное суконное производство для фронта. Училась в техникуме, в Саратове, оттуда и направили в Уфу. Знала адрес: «Станция Черниковка». Сошла с поезда, увидела будку, а кругом — пустыня. Страшно стало: куда я заехала? Дежурный по станции показал мне, куда идти... Так я и прибыла в заготовительные мастерские. Был 1956 год.

Жила в посёлке Ново-Александровка, в гостинице для молодых специалистов. Приходилось довольно далеко ездить: трамвая ещё не было, был крытый грузовик, мы называли его «шарабан». Ездили в нём плотно, иной раз даже по поговорке-«друг на дружке и чёрт на петрушке». А пальто ведь было одно, в нём и на работу, и вечером на гулянье.

Да, мы были молоды, народ всё живой, энергичный. Хоть и маленький коллектив, а жил и работал весело. А какие справляли комсомольские свадьбы! Все пели, все участвовали в художественной самодеятельности, все ходили в театры. Я думаю, тогдашнее наше поколение было проще нынешнего и как-то бодрее.

А летом — свои радости: был у нас свой заводской катер, мы на нём выезжали на природу. Бригадир Чернов, слесарь трубного цеха, из старого, списанного корыта сделал катер. Ну, конечно, не в одиночку делал: отремонтировали все вместе, но это его заслуга. Целыми семьями выезжали по воскресеньям, а реки в Башкирии — загляденье! Одна Белая чего стоит!

В 1957 году начальником мастерских стал Николай Алексеевич Козин, а в пятьдесят восьмом мастерские организовали в отдельное предприятие, перевели на самостоятельный баланс. Объём монтажных работ рос, строительная индустрия тянула нас за собой. Я стала мастером. . .

Елизавета Степановна задумывается, словно что-то с улыбкой припоминает. Я пытаюсь представить её юность, её рост на фоне громадного города, как громоздила этажи новая Уфа, как через ельнички и ежевику пролегла стрела десятикилометрового проспекта. «Башсантехмонтаж» выделили из другого треста, заготовительные мастерские стали заводом этого нового треста.

— В шестьдесят первом меня перевели из мастеров в начальники производственного отдела. Робела очень, но Николай Алексеевич настоял. Мне и пришлось организовать этот отдел, сначала в нём было три человека производственников и плановик. Объёмы и требования росли, и вот мы варили эту кухню. С шестьдесят первого и начали строить новый, основной корпус — в картофельном поле. А теперь мы тут с вами разговариваем. Сейчас на Аварийном посёлке остался наш филиал: цех канализации, цех радиаторов.

Большой новый корпус был готов в 1964 году, когда на заводе, считая и Аварийный посёлок, работало уже 400 человек. Кадры с Аварийного посёлка не хотели переезжать, у нас было много из деревни Тужиловки, помните, как их тогда кликали-«тужилковская рвань». Всё ещё держались за родные избы, ездить стало далеко, отсюда очень высокая текучесть кадров. Потом провели большой труд по набору, возили сюда людей из Черниковска тёплым автобусом. Стали строить своё жильё — уже в этом районе. . .

По первоначальному проекту мощность завода была в 2,4 миллиона. В 1964 году пришли к мощности 3,5 миллиона. Появился вкус к настоящему, большому производству, и объёмы возрастали с каждым годом. Шла наша продукция в Целиноградскую область — всю целину обеспечили нашими заготовками, всю Оренбургскую область, а когда случилось землетрясение в Ташкенте, то в первую очередь мы работали на его восстановление, наши заготовки зелёной улицей шли в Ташкент.

Везде появлялись свои ПМК, в каждую давали мы заготовки. Потом там организовались свои тресты сантехмонтажа: Оренбург, Новотроицк, Орск. . . «Оренбургсантехмонтаж»-это второй после Целиноградского. И везде наши, уфимцы, помогали создавать, разворачивать, устраивать.

Конечно, условия работы изменились. Уже в 1964-м кончилась трёхсменка, стали работать в две смены.

И вот уже в 66-м появился полиэтиленовый цех.

(В самом тоне, каким произносятся последние слова, чувствуется важность этого события для завода.)

— Сейчас мы даём 12 миллионов рублей в год. Народу на заводе прибавилось, сильно расширился радиус обслуживания. Ведём кооперированные поставки нашему главку, другим главкам треста — уже лет пятнадцать. Трассы, по которым катят наши контейнеры с заготовками, расходятся по всем городам Союза, от Мурманска до Душанбе, от Кишинёва до Петропавловска на Камчатке, до Комсомольска, Владивостока, Хабаровска, Магадана. И не было случая, чтобы мы сорвали кооперацию.

(Сказано просто, мимоходом, но в этой фразе — много достоинства.)

— Наш завод — самый крупный в главке, — продолжает Елизавета Степановна. — Наши поставки по кооперации — самые большие, у нас лучшая дисциплина поставок. Номенклатура продукции — широкая, разнообразная. Мы работали не только для Союза. В 60-х годах поставляли заготовки для Ирана: очень старались, тщательно паковали. . .

Если напрямую сказать — поставки других трестов для нашего завода на низком уровне, часто не соответствуют технологии. Кооперация — это значит работать на равных, не подводить друг друга, а нам приходится то и дело тащить на себе чужую недоработку. У нас ещё работают люди, которые начинали с первых дней, в бараках Аварийного посёлка. В моём отделе — Галина Семёновна Глухова, Валентина Андреевна Горшкова, в цехах — станочницы Анна Гавриловна Чучелова, Анна Афанасьевна Акимова, да, ещё: Геннадий Фёдорович Литвинов, Иван Кузьмич Чернов. . .

Токарем начинал у нас Шмонов Алексей Афанасьевич, потом мастер, начальник цеха. . . теперь он заместитель управляющего трестом строймеханизации.

Есть ещё у нас ветераны. Но средний возраст работающих на заводе — примерно 34 года. Естественно, много молодёжи, молодых семей. И с ними мы не всё успеваем: нет ещё собственного общежития, нет своих яслей.

. . . Она вся в работе, в заботах. Человек трудится с детства, знает цену жизни. Хорошая семья, но теперь в ней есть беда: тяжёлая болезнь самого близкого человека, мужа. И надо держаться, не склоняться перед бедой. Стойкость, упорство, работа. . . Но ведь этим и славились всегда женщины нашей страны.

А вот совсем иного склада человек — широколицый, плечистый Мидхат Садыкович Кутуев. Пятьдесят лет, на вид несколько меньше: можно дать сорок с гаком. Но нет, он родился в 1937 году, в Миякинском районе Башкирии, отец его был механиком МТС, мать — колхозница, потом тоже рабочая. Это род землепашцев, которые стали рабочими на земле.

Кутуев окончил речной техникум в Куйбышеве, но после армии пришёл на работу в мастерские сантехзаготовок на Аварийном посёлке в Уфе; это был 1959 год. Он вспоминает одноэтажные кирпичные здания тех мастерских: там было слишком много ручной работы, низкие перекрытия не позволяли вводить кран. Территория мастерских была маленькая, местность сильно загазованная, рельеф — наклонный к Белой.

В 1963 году его направили учиться в Куйбышевский строительный институт, в 1968 он вернулся дипломированным технологом. Уходил в институт из старых мастерских, вернулся на новый завод. С шестьдесят восьмого работал мастером в трубном цехе, затем десять лет начальником технического отдела. Были заграничные командировки в развивающиеся страны, в том числе в Пакистан, согласно договору, который мы заключили ещё с выдающимся лидером пакистанского народа, Зульфикаром Али Бхутто. Но Мидхат Садыкович работал там уже при диктатуре Зии уль-Хака; Бхутто был казнён в 1979 году. Мидхат Садыкович работал там три года, многое повидал. Вернулся в 1982 году.

Вот она, современная жизнь! Мир тесен, и уроженец дальнего башкирского села вплотную соприкасается с тревожными событиями нашей планеты, видит мир, дальние страны и экзотические народы, оставаясь при этом самим собой.

— Всё, что у нас с 68-го года делалось по новой технике, — говорит Кутуев, — это при моём участии. До этого у нас тоже была экспериментальная группа, но в 60-е годы эта работа стала плановой. Механизация ручного труда, совмещение операций, полуавтоматическая линия и много другое.

Были у нас и потери. Потери оттого, что слишком много на себя взяли, а сил мало. Взяли железобетон, химию, фенолпоропластовые изоляции, полиэтилен. Это всё были совершенно новые технологии, даже не по нашему профилю. Но когда завод хочет идти вперёд, то нельзя зависеть от чужого дяди. Да, мы работали методом проб и ошибок, это не лучший путь, но таковы условия, сложившиеся в нашей промышленности, и мы их только-только начинаем менять.

Сегодня по полиэтилену мы первые в главке. Сейчас завод предлагает больше, чем спрос главка.

(Тут я вспоминаю и слова Елизаветы Степановны о широте и разнообразии ассортимента.)

— Надо расширять цех полиэтилена: за ним будущее. Канализацию делать из полиэтиленовых труб. Полиэтилен во всех отношениях выгоднее металла.

Мидхат Садыкович не разворачивает радужных перспектив, но он твёрдо знает, что нужно будет делать заводу завтра.

Теперь самое время поговорить с директором завода Николаем Алексеевичем Козиним. Сделаем одну оговорку: во всех трёх рассказах есть повторения, один рассказ наслаивается на другой, и это не случайно. Нам хотелось бы, чтобы эту книгу читали не только специалисты: история, изложенная разными людьми, каждым со своей точки зрения, выигрывает в наглядности.

Николай Алексеевич — среднего роста, живой, подвижный, с густыми бровями, внимательным взглядом, цепким рукопожатием. На вид не скажешь, что у него две внучки. Родился он в 1932 году, в селе Русское Добрино, Клявлинского района Куйбышевской области. Это недалеко от Бугульмы. После войны окончил семилетнюю школу, попал в ремесленное училище: тогда это был принудительный набор, стране не хватало квалифицированных ра-

бочих кадров. Всем известно, на каких колоссальных пространствах рассеяны могилы этих «кадров».

Два года Козин проучился в ремесленном училище № 6 города Куйбышева, окончил его с отличием, получил специальность слесаря-сантехника, с 1950 года — в Уфе. Работал бригадиром на монтаже. Отсюда в 1954-м ушёл на действительную, служил в артиллерии, на острове Сахалин.

— Красивая там природа, Николай Алексеевич?

— Красивая, но... дикая.

Ответ его понятен. Уроженцу Поволжья, потомку землепашцев, естественно, больше по душе возделанные нивы, дуга, равнинные леса: одним словом, русский простор.

Отец Николая Алексеевича, инвалид второй группы, умер в 1955 году. Мать жива до сих пор. У него ещё есть четыре брата и две сестры. Все они теперь живут в Уфе. Николай Алексеевич — старший брат в семье.

Невольно думается: «Теперь мало таких семей».

После армии, в 1956 году, опять вернулся на монтаж, в 1957-м перешёл в мастерские на Аварийном посёлке, в эти годы заочно окончил техникум. Работал бригадиром, был хорошим слесарем.

— У меня была лучшая бригада, — вспоминает он. — Все двадцать семь человек умели работать, у нас была самая высокая в мастерских зарплата. Вообще там были хорошие кадры! Часть их сохранилась и на сегодняшний день. В старых мастерских налажено было изготовление трубных заготовок и всей сантехники. На мастерских и держался трест.

Прямо из бригадиров меня взяли командовать мастерскими: заставил меня командовать главный инженер Алексей Иванович Дубовицкий. Твёрдо сказал: «Делай — сможешь!» Теперь мне подчинялись 170 человек. На первых порах трудно, конечно, приходилось: набирался опыта, учился на ходу.

В 1964 году начали перетаскивать оборудование в новый корпус, мастерские превратились в завод, и в шестьдесят пятом меня назначили директором завода.

(Вот это было замечательной чертой эпохи: бумажка не заслоняла человека, на производстве знали, «кто есть кто», и директором нового завода поставили тридцатичетырёхлетнего слесаря со средним техническим образованием.)

В директорстве Козина были перерывы, когда он уходил с завода: на смежных участках производства справлялся с делом успешно, в 1970 году стал главным технологом треста. В это время он лишь начал учиться в институте: конечно, опять заочно.

Тем временем на заводе сантехзаготовок сменилось пять директоров. Козину предложили опять «взять завод»: он отказался. В 1971 году ему приказали временно исполнять обязанности директора завода. А через год он вступил в КПСС, и ему в порядке партийной дисциплины было приказано руководить заводом. С тех пор уже 15 лет он бессменно остаётся директором завода.

В 1957 году Николай Алексеевич без отрыва от производства закончил Уфимский нефтяной институт (специальность — трубопроводы, научный руководитель — профессор Быков). В общем — простая история, без блеска: в ней только чувствуется мужество, упорство, умение работать.

— Когда стал директором мастерских, втрое потерял против зарплаты бригадира. Но дело, честно скажу, увлекало. Наладил учёт. . . Главное — подход к людям. У меня не бывает конфликтов: настоящему, стоящему человеку всегда помогу, надавлю на райо, на город, но добыюсь. Рабочий, специалист — это ценность. Один только раз ошибся: принял юриста, девушку, оказалась — интриганка, пошли от неё письма во все инстанции, кляузы. Шесть раз с ней судились. После нас работала в нескольких местах — и всё с теми же последствиями. Она — пуп земли, центр всего мира: не иначе, как «со сдвигом по фазе». А вообще, — заключает он с гордостью, — у нас здоровый климат на заводе!

На моё становление как руководителя повлиял Алексей Иванович Дубовицкий, и особенно Иван Васильевич Лыков.

Иван Васильевич был сильной личностью: талант, организатор, далеко вперёд заглядывал. . .

— Да, в мастерских тяжёлые были условия, сильный шум, трёхсменка. Вся молодёжь в бараках жила на Третьем посёлке. После войны ценили работу, контингент был в основном из деревень. Работали, как дьяволы! У меня в бригаде мариинцы были — так ведь как старались! Мы, когда на монтаже работали, вручную нарезали на объекте.

Новый корпус всё изменил. Перешли в шестьдесят четвёртом: снялись за одну неделю и перевезли сюда; работу не прекращали, выполняли план. В старых мастерских остались цех полуфабрикатов и УПТК. Там получение и комплектация материалов, складские помещения, есть рельсовый путь.

Мы росли в силу требования нашего дела. В 72-м году в нас влили цехом завод вентиляции. У них был филиал в Стерлитамаке, он стал нашим филиалом; появились и другие филиалы — Дёма, Ишимбай. . . Неудобно всё перевозить, лучше делать на местах, возле больших строек, а управление производством — здесь, единое; кадры общие, мобильные. Выигрыш прямой.

Около того же времени появился цех сантехкабин. Каждая такая кабина в готовом виде встраивается в здание; её несущая возможность учтена заранее. Ускорение строек — явное. Ясно, что сантехкабины применимы не везде; специальные проекты, рассчитанные на их использование. . .

Полиэтиленом немного начали заниматься ещё на старой базе — вручную варили. Полиэтилен — это громадная экономия, это сбережение металла, это огромное уменьшение веса при перевозке. Нелегко это давалось: ещё недавно душили нас бюрократические предписания, межведомственные барьеры. Как завели мы термопластоавтомат? Трубные линии? Доставали! Всё на прямых связях, не заходя за подписями в самые верха, иначе на это ушли бы долгие годы.

Слушая Козина, невольно чувствуешь его крестьянскую хозяйственность, его хватку и деловую ловкость. Пройдя весь трудовой путь от слесаря до директора завода, он где-то в глубине души остался крестьянским сыном, причём старшим сыном, «большаком» в семье, где было семеро детей. Понятно, что в руководстве заводом так уместна оказалась эта крестьянская душа.

И тут я вдруг замечаю, что все три моих собеседника вышли из деревни: из тамбовской, башкирской, из бугульминской. Все три родились в тридцатые годы, в детстве соприкоснулись с нуждой и тяготами военных лет, получили такую крепкую закалку, которая даёт несокрушимую жизненную силу.

Это и есть рабочий класс — вчерашнее крестьянство. Между крупнейшими классами страны существует кровнородственная связь. Лев Толстой не видел вообще никакого пролетариата, он считал, что «фабричные»-это просто испорченные крестьяне: странная близорукость гения. Нет, между крестьянством и рабочим классом есть очень большое различие — и в образе жизни, и в традиционных нормах, и во взгляде на мир вообще. Но если город и может «испортить», искалечить слабого, растерявшегося, озлобившегося человека, то лучших, сильнейших сынов и дочерей деревни город поднимает, даёт новое зрение, приучает к борьбе совсем особого рода. . .

А лучшие крестьянские качества, хозяйственность, расчёт, упорство, соседская солидарность и уважение к умелым рукам — всё это в высшей степени необходимо промышленности. Гораздо более, чем умение красно говорить.

У нас ведь всё по справедливости: голосистым — прямая дорога в филармонию, умелым — в промышленность. Важно только не путать, не ставить соловьёв директорами заводов.

И ещё о Степановой, Кутуеве, Козине. Вспоминается одна деталь: замечательный советский кинофильм «Иваново детство» шёл по французском прокате под названием «Дитя войны». Это удачно, тут нечего возразить. Для французов это звучит более выразительно. Но у нас ведь все, кто родился в тридцатые годы, в то или иной мере хлебнули горя военных лет.

Все, кому ныне полвека или немного более, помнят проклятую войну, знают цену жизни и уважают единоспасительную силу земного бытия — труд. В этом смысле все они — «дети войны», и в этом заключается их немалая сила.